

Елена Л. Березович, Дмитрий П. Гулик
(Екатеринбург)

НОВО ЭТНИКУС В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА: К МЕТОДИКЕ ОПИСАНИЯ

Autorzy rozpatrują możliwości rekonstrukcji wyobrażeń o obcych etnosach na podstawie analizy kulturowych konotacji etnonimów. Analiza taka prowadzi do rekonstrukcji „portretu onomazjologicznego”. Składa się on z modeli nazewniczych, w których „wiedza językowa” o obiekcie rzeczywistości odbija się w „wewnętrznej formie” jednostek leksykalnych (mowa głównie o wewnętrznej formie etnonimów-przezwoisk i tworzonych od nich derywatów semantycznych). Sprawą zasadniczej wagi jest uwzględnienie leksyki z różnych odmian języka: gwar, żargonów, języka literackiego, a także faktów z dziedziny onomastyki. Wszystko to pozwala na uzyskanie stosunkowo pełnego obrazu badanego zjawiska. Ważny jest również aspekt kontrastywny, zakładający m.in. porównanie portretów tego samego etnosu w różnych językach; w związku z tym autorzy dokonują porównawczej analizy dwóch języków: rosyjskiego i angielskiego. W artykule scharakteryzowano typy informacji, jakie można wyodrębnić w wyniku badań modeli nazewniczych. Szczególną uwagę zwracają autorzy na analizę czynnika techniki językowej, który może wnieść istotne korekty treściowe do rekonstruowanego obiektu.

Значимость анализа семантического потенциала этнонимов для характеристики наивных представлений носителей языка о чужих этносах очевидна. По сути, „задача выявления стереотипов национальных характеров может быть сведена к задаче выявления коннотаций у этнонимов [. . .], точнее, таких их несущественных семантических признаков, которые несут информацию о чертах характера” (Кобозева 2000, 185). Однако в лингвистической литературе учтены далеко не все возможности концептуального изучения этнонимической лексики. Так, мало

внимания пока уделяется такому носителю концептуальной информации, как номинативные модели, позволяющие построить ономаσιологический портрет *homo ethnicus*. Этот вид работы осложняется тем, что набор соответствующих фактов характеризуется значительной энтропией, они рассыпаны по словарям разных форм существования языка, при этом преимущественно „внелитературных” подъязыков, лексическое богатство которых пока, к сожалению, редко подвергается концептуальному анализу.

Характерно следующее суждение И. М. Кобозевой: „Возникает непростой вопрос о том, что считать объективным проявлением коннотации. Если считать таковыми только те свойства лексемы, которые зафиксированы в лингвистических описаниях, в частности, в словарях, то среди этнонимов в русском языке, пожалуй, только *цыган* окажется наделенным коннотациями.” (Кобозева 2000, 185). С этим можно согласиться только по отношению к литературному языку. В то же время диалекты, просторечие, жаргоны, а также такой совершенно не востребованный концептуалистами источник, как ономастика, дают большое приращение материала, позволяющее говорить о наличии коннотаций у многих этнонимов. Особое значение фактов этих подъязыков для обнаружения коннотаций этнонимов определяется тем, что в них, как известно, нет ограничений в отношении „политической корректности”; большей раскованностью отличается и сама языковая техника. Кроме того, здесь можно получить более разнообразный набор коннотативных этнонимов, что определяется внелингвистическими факторами (факторами социохронотопа). К примеру, на различных территориях происходили контакты „местного значения” с представителями соседних этносов, что отразилось в диалектных отэтнонимических образованиях, но не стало актуальным для литературного языка (ср. в русских говорах Карелии — *вепса* ‘об упрямом человеке’ (СРГК 1, 172)¹, в русских говорах Псковщины — *латышать* ‘говорить неразборчиво, невнятно’ (СРНГ 16, 293)). Что касается жаргона, то он быстрее, чем литературный язык, реагирует на разного рода социальные процессы, а это тоже может сказаться на коннотативном спектре этнонимов, ср., к примеру, след боевых действий в Афганистане, проявившийся в семантике лек-

¹ Здесь и далее при подаче иллюстраций в целях экономии места не приводятся указания на язык, в котором функционируют данные факты: примеры в кириллической графике относятся к русскому языку, примеры в латинице — к английскому. Указание на язык будет приводиться только при появлении параллелей, не относящихся к русскому или английскому языкам. Кроме того, русские примеры не паспортизируются, если они являются литературными или просторечными.

семь *афган* ‘убийца’ (БСЖ, 41). Все это дает возможность пронаблюдать изучаемый феномен в его максимально полном проявлении.

В данной статье, основанной на русском и английском материале, осуществляется попытка охарактеризовать возможности такого жанра лингвокультурологического описания национальных стереотипов, как *ономазиологический портрет*, который строится на номинативных моделях — фактах воплощения знаний об объекте действительности во внутренней форме лексических единиц. Ценность этого источника концептуальной информации определяется тем, что заложенный в названии признак отражает наиболее устойчивое в сознании носителя языка представление об объекте. Сам факт наличия номинативной единицы в узусе ограждает от использования для получения этнокультурной информации разовых, индивидуально окрашенных словоупотреблений (подробнее см. Березович, Рут 2000, 34).

Итак, ономазиологическим портретом „человека этнического” — представителя отдельного этноса или псевдоэтноса (псевдоэтносы — конструкты наивного сознания, возникшие в результате ошибочной этнической классификации, ср. образ „индийца” = „индейца”, или квалификацию любого жителя Великобритании как „англичанина”) следует называть то наивное знание о нем и о группе в целом, которое оказалось запечатленным в номинативной системе языка. Соответствующая информация может быть выделена из языка путем *концептуального анализа* следующих единиц этой системы.

А. Собственно этноним может оказаться источником концептуальной информации в следующих случаях: 1) если у него прозрачная внутренняя форма, при этом само ее осознание и интерпретация носителями языка должны подтверждаться фактами языка (*gypsy* ‘цыган’ < *gyp-sient* < кратк. от среднеангл. *Egipcien* ‘египетский, египтянин’ (Webster-88, 603)), и/или 2) если его трактуют с позиций народной этимологии (ср. восприятие *Irish* ‘ирландский’ как имеющего отношение к слову *ire* ‘гнев’, подробнее см. ниже); 3) в случае его „выразительной” — т.е. концептуализируемой — морфологической оформленности. Например, собирательные этнонимы *мордва*, *весь*, *чудь*, *чухна*, *литва*. Оформление этнонима в виде собирательного существительного можно трактовать как отражение восприятия соответствующего этноса в виде некоего нерасчлененного, неразличимого — и потому непонятного мира. Кроме того, собирательность придает этнониму некоторую пейоративную окраску.

Б. Словообразовательные производные этнонима. Сюда относятся лексемы, призванные обозначить особенности культуры и существова-

ния всей этнической группы в целом (*цыганщина, еврейство, gipsyish* ‘свойственный цыганам’), а также экспрессивные словообразовательные дериваты, обозначающие отдельных представителей этноса (*татарушка, еврейчик, немчик, арапчонок, цыганенок*) либо этнос в целом (*татарва, немчура*). Само наличие в лексических системах таких производных для одних этнонимов — при отсутствии аналогичных дериватов для других — уже свидетельствует об особом месте образов соответствующих этносов в языковой картине мира. Другое дело, насколько детализированным окажется такой образ для „среднестатистического” носителя языка, т.е. какое количество лингвистически релевантных черт будет присуще данному денотату. В любом случае, при наличии означающего в лексической системе мы вправе говорить о существовании, по крайней мере, языкового концепта-минимума, т.е. „языкового провозглашения онтологичности” определенного идеального либо материального объекта или явления без его дальнейшей детализации.

Особо следует выделить ситуации, когда словообразовательные производные приобретают прозвищный характер, функционируя как вторичные „неофициальные” обозначения того или иного этноса. Факты такого рода можно считать переходным явлением между словообразовательными производными этнонима и „этническими кличками” (см. далее). Словообразовательной трансформации может подвергнуться как „внешние” этнонимы (*америкос, ашкиназик* ‘еврей’ (БСЖ, 35, 41), *Jan* (< *Japanes*) ‘японец’ Longman, 702), так и „внутренние” (*Nip* < яп. *nipponjin* ‘японец’ Partridge, 810). Хотя у таких языковых единиц нередко отсутствует интерпретируемая в концептуальном плане внутренняя форма, можно говорить о наличии некой минимальной и самой общей концептуальной информации (как правило, это этнопейоративность) на уровне значения словообразовательной модели (ср., например, пейоративную семантику усеченных форм типа *Argie* < *Argentinian* ‘аргентинец’ (Longman, 51), *азер* ‘азербайджанец’, *юг* ‘югослав’ (БСЖ, 32, 713), а также собирательных вроде *татарва, немчура*), фоносемантики и, наконец, прагматического наполнения (его передают, в частности, словарные пометы типа *презрительно, пренебрежительно*).

Ц. Прозвищные этнонимы (ПЭ), „этнические клички” — неофициальные, прозвищные названия народов, сообществ и групп (*хохол, жид, бабай* ‘татарин’, *баклажан помидорович* ‘заключенный, как правило, уроженец Кавказа’ БСЖ, 42, 45). ПЭ, как и другие прозвища, нередко имеют прозрачную концептуально информативную внутреннюю форму, в которой получает отражение одна из характеризующих — с точки зрения номинирующей группы — черт этноса.

В этнических кличках могут реализовываться различные модели номинации. Приведем в качестве примера некоторые из них.

1. Номинация *по названию другой национальности* (модель „этнос₁ → инородец/чужак → этнос₂”; при этом „этнос₂” может быть генерализованным, обобщенным обозначением нескольких этносов): *киргиз* ‘казах’ (СРГА 2–II, 36), *азербайджан* ‘о людях нерусской национальности’ (СРСГСП 1, 16), англ. *Chinaman* („китаец”) ‘ирландец’ (Partridge, 255).

2. Номинативный признак — *место обитания*: *горец* ‘представитель любой кавказской национальности’, *Froglander* (букв. „житель страны лягушек”) ‘голландец’ (Partridge, 430).

3. Номинативный признак — *особенности речи*. В основу наименований может быть положен распространенный, типичный для определенного этноса антропоним: *абрам*, *абрамович*, *хаскель* ‘еврей’ (Отин, 108), *шмулька* ‘презрительное прозвище еврея’ < идиш *Schmul* ‘Самуэль’ (Фасмер IV, 460), *абдул* ‘татарин’ (АС 1, 39), *Mick* (уменьш. от *Michael*) ‘ирландец’ (Partridge, 735; L, 838), „слово из речи” соответствующего инородца: *амор* ‘итальянец’ (БСЖ, 35), *асей* (< англ. *I say* Фасмер I, 93) ‘иностранец, особенно англичанин’ (Даль I, 26), специфика акцента представителей номинируемой группы (*Taffy* < *Davy* + особенности валлийского акцента ‘валлиец’ Partridge, 1194).

4. Номинативный признак — *внешний вид /перцептивный образ*: *черномордик* ‘негр, африканец’ (БСЖ, 668), *pongo* < *pong* ‘вонять’ ‘негр’, ‘цветной’, ‘иностранец’ (Thorne, 382).

5. Номинативный признак — *особенности быта*: пищевые привычки — *макаронник* ‘итальянец’ (БСЖ, 331), *Frog* („лягушка”) ‘француз’ (Longman, 521); одежда — *аэродром* (< широкополая плоская кепка, популярная в южных регионах бывшего СССР) ‘грузин’ (БСЖ, 41), *towel-head* („обмотанная полотенцем голова”) ‘араб’ (Thorne, 483); специфика домашнего хозяйства — *kelper* (< *kelp* ‘бурая водоросль’, ‘ламинария’, используется в качестве топлива и удобрения жителями скалистых островов) ‘аргентинец, житель Фолклендских островов’ (Thorne, 304).

6. Номинативный признак — *национальный символ или эмблема*: *аллах* ‘уроженец Средней Азии’ (БСЖ, 34), *kiwi* („киви” — эмблема Новой Зеландии) ‘новозеландец’ (Longman, 725).

8. Номинация *на основе масс-культурных аллюзий*: *Анкл Бэнс* (торговая марка Uncle Ben’s, символ которой — портрет чернокожего мужчины) ‘негр’ [БСЖ, 37]; *kermite* (*Kermite the Frog* — Лягушонок Кермит из кукольного сериала „The Muppet Show”) ‘француз’ (Thorne, 305).

Д. Отэтнонимические семантические дериваты (ОД) — этнонимы и их производные, которые в качестве самостоятельных лексических

единиц либо в составе узуальных словосочетаний имеют коннотативно „нагруженные” значения, являющиеся узуальной материализацией связанного с этнонимом „языкового знания”.

Можно выделить следующие сферы функционирования ОД: 1) переносные значения этнонимов, например: *мериканец* ‘изобретательный, изворотливый человек’ (СРНГ 18, 118), *грек* ‘невоздержанный в употреблении вина человек’ (СРНГ 7, 131), *еврейка* ‘о сердитом, раздражительном человеке’ (СПГ 1, 243); 2) образная фразеология: *китайские церемонии* ‘излишние проявления вежливости’, *цыганский пот* ‘озноб’; 3) производные слова с идиоматическим значением, факты морфолого-семантической мотивации: *цыганить* ‘вымогать, попрошайничать’; *корелять* ‘говорить лишнее’, ‘использовать большое количество диалектных слов’ — ‘говорить по-карельски’ (СРГК 2, 423); 4) инвективные формулы: *хранцуз тя огложи* ‘чтоб ты пропал!’ (СРНГ 22, 318).

Сюда же относятся все случаи подобного функционирования ПЭ, когда последние заменяют собой собственно этнонимы и при этом получают переносное значение (иногда это варианты одного и того же фразеологизма). В таком случае можно говорить о двойном кодировании этнокультурной информации — на уровне внутренней формы самих ПЭ и на уровне коннотаций, реализуемых в производных и фразеологически связанных значениях, которые теперь уже получает ПЭ. Например, *жид* ‘воробей’ (ЦОГ 3, 118), *жиди* ‘черти лесные’ (Богораз, 51), *Хохлы*, жители д. Фатьяново — „темные, необрядные мужики, ругательство такое было” (Арх); *Paddy* — ПЭ со значением ‘ирландец’ — может получить переносное значение ‘ярость’, ‘гнев’ (Partridge, 847), устойчивое выражение *Paddy’s apricots / Irish apricots* („абрикосы Пэдди / ирландские абрикосы”) имеет фразеологически связанное значение ‘картофель’ (Partridge, 848).

Е. Ономастические образования, включающие этноним. Особо следует выделить недостаточно изученные в этнокультурном аспекте и даже не описанные с должной степенью полноты ситуации, когда этнонимы, этнические клички либо отэтнонимические семантические дериваты функционируют во вторичных ономастических образованиях. Такого рода факты встречаются в разных разрядах ономастики: топонимии (например: *Jewish Alps* „еврейские Альпы” — горы Кэтскилл в штате Нью-Йорк, где расположены пансионаты, владельцами которых, как считается, были евреи (Charman, 243), *Татарский пролив* (данный топоним демонстрирует обобщенное представление о татарах как всех тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских народах (Нико-

нов, 410), *Чудские Жернова*, лощина (Влг²), астрономии (*Чухонский Лапотъ*, созвездие Плеяды (Арх), зоонимии (многочисленные клички *Цыган* для быков черного цвета), прагмонимии (*Jew's Сапог* „каноз еврея” ‘автомобиль марки „Ягуар” или любой другой большой автомобиль’ (Thorne, 287) и, конечно, антропонимии, где этот материал встречается наиболее часто. Речь идет о разных разрядах прозвищной антропонимии: индивидуальных прозвищах (*Еврей* — „вредные были предки у него”³ (Арх); *Чуваши* — „сам-то русский, а глаза маленькие” (Арх); семейных прозвищах (*Мордовцы* — „все на роду у них были росточком маленьким” (Влг); *Английцы* — „жили шибко хорошо” (Киров); коллективно-территориальных прозвищах (*Турки*, жители д. Яреньга — „они как турки: слушают-слушают, а ничего не понимают” (Арх); *Американцы*, жители д. Дьяково — „они таки чуваша были дикие, они другого приходу были, идут — не здороваются” (Костр); *Французы*, жители д. Павловское — „у нас народ настырный, задумают, что сделать — так все наше; вот французы и прозвали” (Арх)). Особо популярны этнонимические образования среди коллективно-территориальных прозвищ (наименований жителей какого-либо населенного пункта или региона, не связанных с соответствующим топонимом и выполняющих характеризующую функцию) — и это вполне объяснимо, поскольку объект номинации в данном случае выбирается не из своего социума (как это имело место в случае с индивидуальными и семейными прозвищами), а из соседнего. При конструировании образов территориальных соседей в сознании носителей традиционной культуры весьма ощутима организующая роль оппозиции „свое — чужое” (Воронцова 2002): люди, проживающие в соседней местности, занимают промежуточное положение между своим социумом и чужаками, инородцами, однако ближе к последним (в наибольшей степени это актуально для территорий с этнически неоднородным населением). Таким образом, образы соседей, воспринимаемых скорее как „чужие”, чем как „свои”, вполне органично могут быть „оязыковлены”

² Здесь и далее русский ономастический материал извлечен из картотек Топонимической экспедиции Уральского университета по территории Русского Севера (Архангельская, Вологодская области), а также частично Костромской и Кировской областей. Ссылки на источник материала не приводятся, географические пометы даются на уровне области.

³ В кавычках приводятся мотивационные контексты — объяснения прозвищ носителями ономастических систем. Конечно, они могут отражать не первоначальный номинативный признак, а какой-то вторичный мотив, однако это не суть важно: в любом случае мотивировка содержит некоторый фрагмент ментального образа инородца, существующий в сознании носителя языка.

путем переноса названия „большого” этноса (макроэтнонима) на микроуровень.

Итак, на основе выделенных источников концептуальной информации может быть воссоздан ономаσιологический портрет „инородца”, который представляет собой *систематизацию мотивов, эксплицируемых из коннотативного фона этнонима*. Этот портрет есть фрагмент языковой картины мира, отражение в языке наивной мифологии, описывающей свойства и особенности отдельных „инородцев”. Подобное исследование, по определению, не может иметь отношение к „этнической реальности” как таковой, а лишь описывает реальность языковую. Причины образования определенных коннотаций у этнонимов носят экстралингвистический характер: они связаны с историческим, политическим, религиозным контекстом существования данных лексем и их референтов, а также с действием закономерностей кросс-культурной психологии. Однако внеязыковые факторы не всегда являются единственными в процессах формирования и функционирования коннотаций. В ряде случаев коннотации могут продолжать существовать, развиваться и детализироваться уже вне всякой связи с внешними причинами, однажды давшими толчок к их возникновению, только под влиянием внутриязыковых факторов и в соответствии с чисто языковыми закономерностями.

При работе с каждым языковым (да и не только языковым) источником этнокультурной информации необходимо отдавать себе отчет в том, что какая-то доля информации содержит „помехи”, искажающие объективную картину. Если последовательно использовать „изобразительную” метафору, то речь идет об особенностях, отличающих произведение фотографа-документалиста от фотохудожника. Допустим, при изучении свободных текстовых связей этнонима необходимо делать поправку на индивидуальный характер некоторых контекстных пар, которые не верифицируются таким социально детерминированным „фильтром”, как система языка. Эта опасность снимается в ходе анализа номинативных моделей, однако здесь возникает проблема иного рода, связанная с *проявлением фактора языковой техники*. Данный фактор уводит номинатора от познания свойств объекта, подталкивая его к реализации облегченной схемы номинативного процесса: этап подготовки идеального (мыслительного) содержания к лексическому объективированию оказывается редуцированным, а новая единица формируется под ощутимым влиянием накопленного ранее номинативного материала. В результате линия *объект* → *языковая единица* оказывается прочерченной более слабо — в пользу линии „старые” *номинативные модели* → *новая языковая единица*.

Достаточно наглядно описанная ситуация проявляется в фактах народно-этимологических трансформаций, базирующихся на формально-смысловых основаниях. Обилие таких трансформаций в какой-то определенной номинативной сфере само по себе показательно: та легкость, с которой номинатор идет на ослабление объектной „поддержки” номинации, свидетельствует о недостаточном знакомстве со свойствами объекта, которое компенсируется языковым мифом. Рассмотрим ситуации такого типа. Слова *мордовка*, *мордвинка* ‘некрасивая женщина’, зафиксированные в ярославских говорах (ЛК ТЭ), представляют собой, по всей видимости, результат контаминации этнонима и просторечного слова *морда* (кстати, образ мордвы оказывается проработанным в русских говорах, причем в его структуре выделяется соматический мотив — мотив маленького роста, ср.: *мордва* ‘различные мелкие предметы, всякая мелочь’; ‘о маленьких детях’ (СРНГ 18, 258)). Лексема *еврей* ‘постный суп’ возникла в результате „супплетивной” номинативной реакции на *жидовский суп* ‘то же’ (ЛК ТЭ). Номинативным материалом, спровоцировавшим появление этого сочетания, стала контаминация прозвищного этнонима *жид* и слова вроде *жидель* ‘постная похлебка’ (ЛК ТЭ), *пожиды* ‘то же’ (СОГ 10, 93), реализующего признак жидкой консистенции такого супа. Смысловой базой для этого сближения следует, очевидно, считать представление о жадности *жидов* (которые из скупости не заправляют суп), а оно, в свою очередь, возникло в результате притяжения слова *жид* к просторечному *жадиться* ‘жадничать’; это притяжение, в частности, реализует *figura etymologica* *Чего жидишься, как жид?*, ср. также просторечное *жид* и диалектное *жиделяга* ‘жадный человек’ (СРГК 1, 59). Конечно, мотив скупости евреев может иметь и экстралингвистические корни, связанные, предположим, с традицией ростовщичества, однако для диалектных и просторечных фактов русского языка естественнее предполагать внутриязыковой стимул, поскольку названная внеязыковая мотивировка несет определенный отпечаток книжной культуры.

Если говорить об английских примерах, то следует упомянуть причины, сформировавшие образ „гневно-ирландца” в английском языке. Мотив гнева верифицируется следующими языковыми фактами: *Irish* „ирландское” ‘гнев’, *get up one’s Irish* „разбудить в себе ирландца” ‘разозлиться’ (Partridge, 600), *Irish confetti* „ирландское конфетти” ‘камни и другие тяжелые предметы, которыми бросаются во время демонстраций и беспорядков’, ‘обломки кирпичей’ (Thorne, 240), *Paddy* ‘гнев’, ‘ярость’, *paddy-whack* „сильный, с шумом, удар Пэдди” ‘гнев’, ‘ярость’ (Partridge, 847–848). Несомненно, что данный мотив возник под воз-

действием языковой аттракции: здесь очевидно внутрисистемное влияние слова *ire* ‘гнев’, ср. народную этимологию названия *Ireland* как ‘страна гнева’ (Shipley, 75). Также возможно, что вторичная номинация французов при помощи слова *Frog* ‘лягушка’ явилась следствием аттракции слов *French* и *Frog*. Наконец, интересна ситуация с образом ‘английского татарина’ (*Tartar*): этот довольно неожиданный (во всяком случае исходя из экстралингвистических соображений) для английской ‘карты этносов’ образ оказался ономасиологически релевантным. Он включает, в частности, мотив дикости, злобности (*tartar* ‘человек дикого, необузданного либо раздражительного нрава’ Webster-36, 2583). Данный мотив, очевидно, появился — помимо экстралингвистических факторов (‘культурного’ образа татарина) — вследствие того, что в английском языке название этноса испытывает аттракцию к мифониму *Tartarus* ‘преисподняя’ (звуковой облик и графическое оформление английского этнонима обусловлено смешением с *Tartarus* Webster-36, 2583), а также, возможно, к прилагательному *tart* ‘кислый, едкий’, ‘резкий, колкий (об ответе, возражении и т.п.)’ (там же).

Еще один внутриязыковой фактор, зачастую тесно связанный с предыдущим и вносящий свои коррективы в процесс создания образа инородца, — экспрессивная звукосимволика. Думается, именно яркий фоновосимволический облик стал причиной появления богатого коннотативного фона этнонима *чукча* (экспрессия выразительной аффрикаты *ч* здесь удваивается и поддерживается гласными непереднего ряда и взрывным *к*). Разумеется, помимо звуковой экспрессии, при языковом выделении *чукчи* свою роль могли сыграть процессы аттракции к другим этнонимам, соотносящимся в наивном сознании с образом ‘северных’ и ‘диких’ народов (*чудь*, *чухна*), а также к словам вроде *чушь*, простореч. *чухня* ‘то же’, *чужой* и т.п.

Показательна и ситуация с английским прилагательным *Dutch* ‘голландский’. Обилие английских языковых фактов (особенно фразеологии), рисующих образ голландца, может быть объяснено, по мнению Ю. Д. Апресяна, экстралингвистическими факторами: негативные коннотации восходят к XVII в. — времени ожесточенного политического и военного противоборства Англии и Голландии за господство на морях (Апресян 1995, 171). Однако факторы ‘вертикального контекста’ не могут объяснить асимметричную ситуацию с этнонимом *Spanish* ‘испанский’, ср.: ‘Интересно, что аналогичное или даже еще более ожесточенное соперничество между Англией и Испанией в тех же областях и в то же время для прилагательного *Spanish* кончилось вполне благополучно’ (там же). Думается, что причина этой асимметрии во многом состоит

в том, что прилагательное *Dutch* имеет выразительные фоносемантические особенности: звукоизобразительная пейоративность вследствие наличия „условно лабиального” гласного [Л] усиливается экспрессией, создаваемой за счет того, что соответствующий слог относится к периферийному для английского языка типу слогов. Конечно, фоносимволические причины активности „голландских” коннотаций могут быть дополнены причинами другого плана, в частности, семасиологическими: данный этноним имеет диффузную семантику (ср. сохранившуюся до сих пор тенденцию к обозначению с его помощью не конкретной национальности, а группы народов, в данном случае — континентальных германцев). Доминирование внутриязыковых факторов при создании данного образа обуславливает своеобразие его структуры: в портрете „голландца” — в сравнении с другими языковыми образами „инородцев” — мало конкретики (лишь „скупость”, „пьянство”, „грубая сила”, полностью отсутствуют характеристики внешности, места обитания, особенностей речи, черты характера). Превалирующими в нем являются отсубъектные характеристики: мотивы „непонятный”, „ложный”, „неправильный”, общая негативная оценка. Все это максимально сближает его с архетипическим образом чужака.

Итак, ономасиологический портрет инородца содержит значительную долю таких деталей, которые „примыслены” (точнее, „пририсованы”) языком. Кроме них, существуют детали портрета, не воссозданные или акцентированные заново, но возникшие благодаря стандартизирующим условностям самой языковой „манеры письма”. В частности, условностью такого рода можно считать существование рядов номинативных фактов, где конкретный этноним (который должен был бы стать смысловым центром образа) варьирует, но при этом совпадает логика конструирования внутренней формы и семантики языковых единиц. Факты такого рода могут встретиться как в рамках одного языка, так и на межъязыковом уровне. Например, в русском языке существует этнонимический ряд названий тараканов: *прусак*, *цыган* (Даль IV, 574), *француз*, *немец*, *чудак* < *чудь* (ЛК ТЭ), *киргиз* (СРНГ 13, 219)⁴, ср. чеш. *šváb* „шваб” ‘рыжий таракан’ (Фасмер IV, 390). Толчковым в этом ряду, вероятно, было наименование *прусак*: оно является фактом общенародного русского языка и соотносится с научным названием *Blattella Germanica*. Другие члены ряда появляются в результате расширения номинативной модели, которая пополняется не только названиями „ино-

⁴ Интересно, что представленный ряд номинирует преимущественно рыжих тараканов, в то время как черный имеет, в частности, название *русский таракан* (ЛК ТЭ).

земных захватчиков” (*немец, француз*), но и инородцев вообще (*киргиз, цыган*). Следовательно, конкретная образная логика, согласно которой полчища тараканов, пришедшие „от соседей”, соотносятся с армией захватчиков (ср. еще усы *прусака!*), сменяется обобщенной идеей чуждости, не позволяющей „прочитать” детали виденья того или другого инородца. Ср. другие примеры: *Dutch gold* „голландское золото” ‘сплав меди и цинка — дешевая имитация золотого покрытия’ (Мюллер, 229) — *Gipsy gold* „цыганское золото” ‘отражение огня на посуде из драгоценных металлов’ (OED VIII, 524) — *еврейское золото* ‘сплав, имитирующий золото’ (Борхвальдт, 401); *татара (молотят) в голове* ‘о состоянии головокружения от усталости’ (Прокошева, 98) — *немцы молотят / играют в брюхе* ‘о чувстве голода’ (ЛК ТЭ) — словацк. *čigani ti v bruchu vyhrávajú (klince kujú)* „цыгане у меня в брюхе играют / гвозди куют” ‘о чувстве голода’ (SSJ I, 169) и т.п. Во многих случаях такие ряды начинают захватывать иные сферы отождествления, например, образы инородцев номинативно уравниваются с образами животных: *Paddy’s lantern* „светильник Пэдди-ирландца” ‘луна’ (Partridge, 848) — укр. *цыганське сонце* ‘месяц’ (ФСУМ 2, 843) — *медвежье солнце* ‘луна’ (Даль II, 312); *цыганский дождь* — блр. *жыдоўскі дождж* — укр. *цыганський дощ* — болг. *магарешкия дъжд* „олиный дождь” — *свинный дождь* — укр. *медведичий дощ* — укр. *пташний дощ* — болг. *лисица се жени* и др. ‘теплый дождь в солнечную погоду’ (Кондратенко 2000, 93–96, 101). Здесь нет смысла говорить о мифологических представлениях, которые могут стоять за такого рода номинациями (ср. богатые в этом плане обозначения слепого дождя); для нас имеет значение то, что эти факты демонстрируют неважность конкретного представления об инородце для носителя языка. Они характеризуют инородца вообще — „неполноценного”, „ненастоящего” и т.п. (причем эта неполноценность доходит до того, что инородец воспринимается как „противопоставленный человеку”).

Если в рассмотренных выше ситуациях языковые факторы создают, корректируют или стандартизируют какую-то часть портрета, то в некоторых случаях мы сталкиваемся с тем, что связанный с этнонимом языковой факт вообще не должен рассматриваться как языковое проявление этнических коннотаций. Иногда этнонимы используются как прямая (и не связанная с коннотациями) аллюзия на дифференциальный признак, лежащий в основе вторичной номинации предмета или ситуации. Например, одно из переносных значений слова *Greek* „грек” ‘член неформального объединения студентов университета’ возникло вследствие того, что эти объединения традиционно именуется

по названию греческих букв *Sigma Nu* (Longman, 1266). Данный метонимический перенос не имеет концептуальной значимости для характеристики этноса. Встречается также немало выражений с этнонимами, где вторичные номинации являются следствиями различных видов языковой игры. Такая игровая номинация может основываться на внешней схожести слов, например: *hungarian* „венгр” ‘нищий’ (через игровое притяжение к *hungry* ‘голодный’) (Partridge, 502). Частое явление — рифмованный сленг, например: *Germans* „немцы” ‘руки’ — через сворачивание рифмы *German bands* „немецкие городские оркестры” — *hands* (Partridge, 498). Аналогичная техника задействуется и при формировании прозвищных этнонимов, ср.: *quarter-to-two* „без четверти два” ‘еврей’ — через рифму *quarter-to-two* — *Jew* (Thorney, 396); *widow* „вдова” ‘американец’ — через рифму *Widow Twankey* (персонаж пантомимы „Алладин” — *Yankee*) (Thorney, 670). Конечно, игровые номинации потенциально могут быть переосмыслены и „семантизированы”, однако обычно этого не происходит, следовательно, эти языковые единицы не должны использоваться для „портретирования”.

Для того, чтобы иметь возможность сопоставлять языковые портреты между собой, следует соотносить выделяемые мотивы с некой общей схемой рассмотрения языкового образа „человека этнического”, в которой должны быть учтены принципиально возможные аспекты такого отражения. В качестве такой единой системы координат предлагается следующий набор идеограмм (этот набор выявлен индуктивным путем, на основе анализа структуры языковых образов инородцев в русском и английском языке).

„Отобъектные” характеристики: *происхождение этнической группы; речевые характеристики; место обитания; биологические характеристики* (например, внешность, физические данные, сексуальная сфера); *менталитет* (психика: черты характера, привычки; интеллект; убеждения, религиозность); *социальные характеристики* (экономическая сфера: например, бедность/богатство, род занятий, быт); отношение к окружающим: например, „гостеприимство”, „скупость”, „хитрость”); *влияние на другие культуры*.

„Отсубъектные” характеристики — общие эмоционально-оценочные характеристики типа „непонятный”, „неправильный”, „ненастоящий”, „общая негативная оценка” и т.д.

На основе этих параметров может быть произведен сопоставительный анализ портретов — выводимых как из разных языков, так и из различных форм существования одного языка (жаргон — говоры — литературный язык). В качестве примера приведем фрагмент со-

поставительного анализа портрета „цыгана” в русском и английском языках.

Если говорить о конкретных чертах русского и английского портретов „цыгана”, то в обоих языках наблюдается скорее больше сходства, чем различий. Оба портрета в своих конкретных чертах не противостоят друг другу, а скорее оказываются взаимно дополняющими.

Что касается социальных характеристик портретов, наиболее широко и определенно представлены в обоих языках мотивы *скитальчества* (*цыганская жизнь, цыганская натура, цыганствовать* и др.; *gipsy* ‘скитаться и жить подобно цыганам’ OED VII, 524; Webster-88, 603) и *обмана, плутовства, воровства* (*цыган* ‘обманщик, плут, барышник, перекупщик’ (Даль IV, 575) и *gipsy* почти с таким же значением, а также *gipsy away* ‘стащить, украсть’ (OED VII, 524), *gip* ‘обманывать или отнимать посредством мошенничества; надувать, жульничать’ и *gipper* ‘тот, кто этим занимается’ (Random, 854)); в обоих языках данный этноним употребляется в качестве клички по отношению к „хитрой, лживой, непостоянной женщине” (ЛК ТЭ; OED VII, 524).

Как в русском, так и в английском есть немалое количество связанных с данным этнонимом названий сорных и диких растений, что можно интерпретировать как некую обобщающую черту в социальном аспекте портрета, а именно — метафорическое выражение идеи *неокультурности* и даже *контркультуры*.

К лексемам, отражающим языковое видение образа жизни „цыгана”, по-видимому, относятся в обоих языках и этнонимические названия приспособлений, орудий труда с общей для них чертой, которую можно было бы обозначить как *импровизированность, транспортабельность* и *примитивность*: *gipsy table* „цыганский стол” ‘легкий круглый стол, в основании которого находятся три скрещенные палки’; *gipsy winch* „цыганская лебедка” ‘небольшая лебедка, состоящая из барабана, храповика и собачки и прикрепляемая к столбу’ (ОЕД ВИИ, 524), *цыганка* ‘рычаг, связывающий подножку самопрялки с осью колеса’ (СРГА 4, 203), *цыганка-балаганка* ‘плохое, неудобное, мало приспособленное для постоянного обитания жильё’ (АОС 1, 99). Схожий мотив — *импровизированный, сделанный на скорую руку* — присутствует и в названии *цыганка* ‘блюдо из вареного картофеля с конопляным маслом’ (СРГНО, 577).

Однако каждый из языков добавляет и свои специфические черты к социальному портрету „цыгана”. В первую очередь это касается аспекта *экономической деятельности*. В русском языке это *покупка, продажа и обмен лошадей* — *цыганить (лошадьми)* ‘барышничать,

менять, покупать и продавать, не без плутовства': У цыгана не купи лошади, у попа не бери дочери (Даль IV, 575). Правда, „лошадиная” тема присутствует и в английском языке в деривате *gyp* (также *gypsy*) 'владелец беговых лошадей, также выступающий в качестве тренера и жокея' (Random, 854).

Русский „цыган” занимается также *вымогательством* и *попрошайничеством* (*цыганить*, *выцыганить*). В английском языке *gipsy's warning* „предупреждение цыганки” со значением 'загадочное и злое предупреждение' запечатлен факт занятия цыган „гаданием” (кстати, оно используется и в рифмованном сленге со значением „morning” 'утро' (Partridge, 466). В английском языке *gipsy* ассоциируется с „нелицензированной и независимой (от каких-либо объединений) индивидуальной трудовой деятельностью”, ср., например, *gypsy plumber* 'цыганский сантехник', *gypsy cab* 'цыганское такси' (Webster-88, 603), *gipsy* 'водитель грузовика, работающий независимо/незаконно, не имея постоянного маршрута и пункта приписки' (Webster-86, 1015; OED VII, 524) (в последнем примере, безусловно, присутствует мотив *скитальчества*). Говоря об отражении особенностей повседневной жизни „цыгана”, следует отметить английский мотив *жизнь* (и связанные с ней функции) *вне дома, на открытом воздухе*, ср. устойчивые выражения *gipsy breakfast / dinner / party* для обозначения соответствующих трапез на открытом воздухе, глагол *gipsy* 'устроить пикники' (OED VII, 524), а также *gipsy's ginger* „цыганское рыжее” 'человеческие экскременты на улице' (Partridge, 466).

В том и другом языке имеется несколько устойчивых словосочетаний, обозначающих ассоциируемые с „цыганами” предметы материальной культуры — *цыганская иголка* (СРГП, 319), *цыганские сани* (ЛК ТЭ), *gipsy-bonnet* 'цыганский капор', *gipsy ring* 'цыганское кольцо' (OED VII, 524), употребление эпитета *цыганский* по отношению к яркой одежде с крупными деталями. Любопытно отметить, что в словарных описаниях всех этих предметов в обоих языках присутствует сема большого размера.

Биологические характеристики (внешность, физические данные) и менталитет представлены в русском портрете гораздо более детально, чем в английском.⁵ Что касается внешности, то из английского языка

⁵ В то же время нельзя отрицать, что этот вывод может оказаться не вполне адекватным, обусловленным „субъективным словарным фактором”, а именно: в английских словарях мы находим соответствующие этнонимические дериваты с толкованиями типа 'человек, чья внешность и привычки, как у цыгана', 'цыганский характер', 'цыганская внешность' (OED VII, 524; Webster-88, 603), однако при этом нет

мы узнаем лишь то, что „цыган” *смугл* (*gipsy* как „игривое обращение к женщине, особенно если она смугла” (Partridge, 465), а также как обозначение особого оттенка коричневого цвета (Webster-86, 1015)). В русском же портрете к этому добавляются еще и *черные волосы, черные, как смоль глаза, подвижное лицо*. Кроме того, русский язык запечатлел еще одну специфическую черту — *выносливость по отношению к морозам: цыганский пот (прошибает)* ‘озноб, дрожь от холода, ощущение холода’, *цыган с рождества шубу продает* „поговорка, означающая, что цыган привык легко переносить холод” (СибФр, 200) (ср. отражение этого мотива в других славянских языках: укр. *цыганське тепло* ‘мороз’, чеш. *cihánská rosa* ‘сильный мороз’, ‘иней’, ‘утренний или вечерний заморозок осенью или весной’, болг. *цыгански сняг* ‘первый снег’ Кондратенко, 101).

То же самое и с характеристикой менталитета и черт характера. „Цыган” английского языка лишь артистичен и „богемен”: любить петь и танцевать: *Gypsy* ‘танцор /танцовщица в массовых сценах в музыкальных шоу’ (Webster-88, 603), „дружит с музами”: сленговое название Британской Ассоциации литераторов *Gipsies of Science* (Partridge, 465). Кроме того, что русский „цыган” также любит петь и танцевать, он еще и *весельчак* ‘шутник, весельчак, танцор’, *цыганить* ‘шутить, острить, плясать, балагурить’ (СРГЗ, 448), а также ‘звать, приглашать’ (ЦРГА 4, 203). Более того, в русском портрете имеются такие черты, как ‘пересмешиничество, передразнивание, склонность дурачить и подымать на смех’ (Даль IV, 575). В отличие от английского языка, в русском имеются и негативные характеристики менталитета и черт характера цыгана (*цыганство* ‘бестолковщина, безалаберность’, *цыганщина* ‘страстность, диковатость’).

У рассматриваемого этнонимического прилагательного в составе ряда названий растений, животных, предметов обихода в обоих языках с достаточной определенностью просматривается значение „*дешевый заменитель, эрзац-продукт*”. Так, в русских диалектах есть *цыганское мыло* ‘травянистое растение’ (ц мотивировкой *цыгане им умываются*), *цыганская пудра /табак /дым* ‘перезрелый гриб-дождевик’ (ЛК ТЭ), *цыганские кораллы* ‘продолговатые бусы коричневого цвета’ (СРГНО, 577), а в английском имеются словосочетания, переводимые дословно как „цыганские сельдь, лук, свинья/свинина” и обозначающие соответственно ‘сардины’, ‘дикий чеснок’, ‘еж/мясо ежа’, а также выражение

никакой конкретизации (возможно, из соображений „политической корректности”), в то время как в русских словарях толкование подобных лексем всегда достаточно конкретно.

„цыганское золото” со значением ‘отражение огня на посуде из драгоценных металлов’ (OED VII, 524).

В приведенных выше лексемах заключены и отсубъектные характеристики „цыгана”, являющиеся отражением не свойств самого объекта (представителя данного этноса), а субъективного отношения к нему и оценки со стороны „отражающих” языков. Оценка эта выражается мотивами *поддельный, дешевый, ложный, ненастоящий*.

Любопытным в обоих языковых портретах (хотя и представленным единичными лексемами) является мотив, который можно было бы определить как *влияние на другую культуру*. В русском языке этот мотив прочитывается в слове *цыганщина* ‘стиль русских романсов и их исполнения, созданный в подражание цыганским мелодиям и цыганской манере исполнения’, а в английском — в устойчивом словосочетании *Romany rye* „цыганский господин” ‘человек, сам не являющийся цыганом по происхождению, но общающийся с цыганами, говорящий на их языке и т.д.’ (Webster-88, 1165; Partridge, 986).

Английский и русский портреты сближает и полностью отсутствующая в них характеристика *место обитания*, что объясняется реалиями существования объекта отображения (ср., например, данную характеристику в английских языковых портретах „ирландца” — „обитатель болотистых местностей”, „еврея” — „житель определенных кварталов города”).

В отличие от русского языка, английский язык добавляет еще и речевую характеристику к портрету „цыгана” — в его лексическую систему вошли вторичные (прозвищные) этнонимы, образованные от одного из самоназваний данного этноса (*Romany* — Webster-88, 1165), а также от слова из его языка (*rye*, от цыганского *rei* ‘господин’).

Наконец, в английском языке на уровне этимологии собственно этнонима закрепилось ложное представление жителей Англии XVI века (периода, когда там появились цыгане) о египетском происхождении этого этноса (OED VII, 524) (*gypsy* < *gypciēnt* < кратк. от среднеанглийского *Egipcien* ‘египетский, египтянин’ — Webster-88, 1165, 603).

При этом, что очень важно, этимологическая связь этнонима с Египтом является, по всей видимости, весьма ощутимой для носителей языка, о чем свидетельствует его употребление одновременно в двух значениях (‘цыганский’ и ‘египетский’) как в литературе (например, *W. Shakespeare, Antony and Cleopatra, IV*), так и в сленге разных периодов: *gipsy, gippo, gippy* в значении как ‘цыган’, так и ‘египетский солдат’, ‘египетская сигарета’ (Partridge, 465). Это, в свою очередь, наводит на мысль об информативности внутренней формы дан-

ного этнонима для носителей английского языка, ее способности задавать концепцию в языковой картине мира относительно происхождения соответствующего „инородца” (в данном случае, понятно, неадекватную реальности).⁶

Итак, несмотря на сходства и взаимную непротиворечивость обоих портретов, заметны и их *глубинные различия*. Во-первых, в русском языке сильнее тенденция обобщать ассоциации, связанные с „цыганами” — через этноним или его дериват обозначается целое понятие (например, „веселье”, „плутовство”, „диковатость” вообще); другими словами, отэтнонимические дериваты наделяются широкой обобщающей семантикой. В то же время в английском языке „цыганские” ассоциации часто используются лишь для характеристики весьма конкретных реалий, существующих в англоязычных сообществах. Так, этнонимом (или его производным), как было показано выше, обозначают не „склонность петь и танцевать” вообще, а „танцора в массовых сценах музыкального шоу”, не „независимость” вообще, а именно „нелицензированную индивидуальную трудовую деятельность” представителей определенных профессий, не „жизнь вне дома” как явление, а лишь, в частности, „трапезы на открытом воздухе”, причем в отношении к собственной традиции пикников. Все эти случаи скорее напоминают шуточные прозвища людей, в чем-то похожих на цыган, и „игровые” названия явлений, напоминающих отдельными чертами цыганскую жизнь.

Во-вторых, в русском портрете явно больше характеристик, заключающих в себе отрицательную оценку. Кроме общих с английским негативных мотивов *обмана и плутовства, некультурности*, в русском „цыгане” присутствуют *пересмешичество, бестолковость, безалаберность, диковатость*, а также *общая негативная характеристика* — образ *незваного гостя, нежелательного элемента* (цыган, цыганенок ‘таракан’ — Даль IV, 575; ЛК ТЭ).

В-третьих, в английском языке отразилась идея неоднородности цыганского этноса, обусловленная фактом обитания его в различных странах: в общие словари вошли названия венгерских (*tzigane* — Webster-88, 1447) и итальянских цыган (*zingaro* — Random, 2211). В русской же языковой картине мира данный этнос предстает как „единый и одинаковый повсюду”. Если вспомнить, что в английском портрете дается еще

⁶ В этом отношении небезынтересно отметить, как русское обыденное (наивное) сознание с трудом принимает научно доказанный факт индийского происхождения цыган — вследствие явной противоречивости между наивными образами „цыгана” (экстравагантность, импульсивность) и „индийца” (созерцательность, сдержанность, углубленность в себя).

и версия происхождения данного народа (пусть ложная), а также учесть детальность его социальных характеристик, то возможно охарактеризовать его — по сравнению с русским — как более „этнографический”. Русский же аналог данного портрета с его тенденциями к обобщению этнических ассоциаций, к общей негативной оценке всего этнического образа в целом и его абсолютизацией приближается к языковому отражению „чужака” вообще. В этом смысле русский портрет — в отличие от английского — более „мифологичен”.

Английский „цыган” — это один из многих „инородцев” в данной языковой картине мира. По количеству выводимых мотивов и по экстенсивной характеристике (количеству языковых единиц, запечатлевающих этот образ) он уступает место „ирландцу”, „голландцу”, „французу”, „валлийцу”, „еврею”. Русский же „цыган” является, по видимому, наиболее проработанным языковым портретом. К нему по детальности и экстенсивности близки „татарин”, „чудь”, „немец”. „Цыган” — один из немногих „инородцев” в русском языке.

Большая проработанность портрета „цыгана” в русском языке и его большая „мифологичность” и, с другой стороны, большая „этнографичность” английского портрета вполне естественно объясняются значительными отличиями между английским и русским языковыми коллективами в плане масштабов и интенсивности кросс-культурных связей (знакомством с иными народами представителей англоязычных культур и, с другой стороны, объективно обусловленной ограниченностью „этнографического кругозора” русского обыденного сознания). В свою очередь, меньшее количество „инородцев” в русской языковой картине мира могло способствовать тому, что присущий обыденному сознанию архетип „чужой” оказался более сконцентрированно выраженным в одном из них — „цыгане”.

Итак, создание ономаσιологических портретов представителей тех или иных этносов является продуктивным, хоть трудоемким и методически непростым способом выявления национальных стереотипов.

Литература

- АОС — *Архангельский областной словарь*, Москва 1980-. Вып. 1-.
- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д., Избранные труды*, Москва 1995. Т. II: *Интегральное описание языка и системная лексикография*.
- АС — *Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь)*, Пермь, 1984-. Вып. 1-.

- Березович, Рут 2000 — Березович Е. Л., Рут М. Э., *Ономасиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания* // *Известия Уральского государственного университета*. 17. Гуманитарные науки. Вып. 3: Филология. Екатеринбург 2000, С. 33–38.
- Богораз — Богораз В. Г., *Областной словарь колымского русского наречия* // Сб. ОРЯС. Спб. 1909. Т. 68, 4.
- Борхвальдт 2000 — Борхвальдт О. В., *Лексика русской золотопромышленности в историческом освещении*, Красноярск 2000.
- БСЖ — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., *Большой словарь русского жаргона*, Спб. 2000.
- Воронцова 2002 — Воронцова Ю. Б., *Коллективные прозвища в русских говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук*, Екатеринбург 2002.
- Даль — Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т*, Москва 1955.
- Кобозева 2000 — Кобозева И. М., *Лексическая семантика*, Москва 2000.
- Кондратенко — Кондратенко М., *Лексика народной метеорологии: Опыт сравнительного анализа славянских и немецких наименований природных явлений*. München 2000.
- ЛК ТЭ — лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского государственного университета им. А.М. Горького.
- Мюллер — Мюллер В. К., *Англо-русский словарь*, Москва 1992.
- Никонов — Никонов В. А., *Краткий топонимический словарь*, Москва 1956.
- Отин — Отин Е. С., *Материалы к словарю коннотаций собственных имен (буква А)* // *Восточноукраинский лингвистический сборник*, Донецк 2000. Вып. 6. С. 108–151.
- СибФр — *Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний русских говоров Сибири*, Новосибирск 1972.
- СОГ — *Словарь орловских говоров*, Ярославль 1989-. Вып. 1-.
- СПГ — *Словарь пермских говоров*, Пермь 1999-. Вып. 1-.
- СРГА — *Словарь русских говоров Алтая: В 4 т*. Барнаул 1993.
- СРГЗ — Элиасов Л. Е., *Словарь русских говоров Забайкалья*, Москва 1980.
- СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*, Спб. 1994-. Вып. 1-.
- СРГНО — *Словарь русских говоров Новосибирской области*, Новосибирск 1979.
- СРГП — *Словарь русских говоров Приамурья*, Москва 1983.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*, Ленинград 1966-. Вып. 1-.
- СРСГСП — *Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья*, Томск 1992–1993. Вып. 1–3.
- Фасмер — Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка: В 4 т*, Москва 1964–1973.
- ФСУМ — *Фразеологичний словник української мови: В 2 кн*. Київ 1993.
- Chapman — *American Slang*, ed. by R. L. Chapman, New York 1994.
- Longman — *Longman dictionary of English language and culture*, Harlow, Essex, England, 1992.
- OED — *The Oxford English Dictionary*, second edition, prep. by J. A. Simpson and E. S. Weiner, Oxford 1989. Vol. I–XX.
- Random — *Random House Unabridged Dictionary*, New York 1983.

- Partridge — Partridge E., *A Dictionary of Slang and Unconventional English: Colloquialisms, Catch-phrases, Solecisms and Catachreses, Nicknames and Vulgarisms*, New York 1988.
- Shipley — Shipley J. T., *Dictionary of Word Origins*, 2nd ed.
- SSJ — *Slovník slovenského jazyka*, Ved. red. dr. Št. Peciar. Br., 1959–1968. D. I–VI.
- Thorne (CS) — Thorne T., *The dictionary of contemporary slang*, New York.
- Webster-36 — *Webster's New International Dictionary of the English Language*. Second Edition. Unabridged. L., Springfield 1936.
- Webster-86 — *Webster's Third New International Dictionary of the English Language*. Unabridged. Springfield, Massachusetts 1986.
- Webster-88 — *Webster's New World Dictionary*, Cleveland and New York, 1988.

Сокращения

а) в названиях административных областей:

Арх — Архангельская область

Влг — Вологодская область

Киров — Кировская область

Костр — Костромская область

б) в лингвистических терминах:

ОД — отэтнонимические семантические дериваты

ПЭ — прозвищные этнонимы

в) прочие:

д. — деревня

HOMO ETHNICUS IN THE MIRROR OF LANGUAGE: TOWARDS A METHODOLOGY OF DESCRIPTION

The article is an attempt to reconstruct images of alien ethnic groups on the basis of cultural connotations of ethnonyms. The analysis leads to a reconstruction of an „onomasiological portrait”. It consists of naming models, in which the linguistic knowledge about a given real-world object is reflected in the „internal form” of lexical items (especially in the internal form of nickname-ethnonyms and their semantic derivatives). In order to reconstruct a relatively complete picture of a given phenomenon, it is important to take into account the lexis of different language varieties: dialects, jargons, the literary standard, as well as onomastic data. It is also important to consider the contrastive aspect of the phenomenon, to compare the portraits of the same ethnic group in different languages, which is why the present work offers an analysis of Russian and English data. The types of information identifiable through an inquiry into naming models are characterized. Special attention is paid to the factor of linguistic technique, which may significantly alter the content of the object being reconstructed.